ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
URAL HISTORICAL JOURNAL

№ 2 (87), 2025

ЕКАТЕРИНБУРГ•2025•EKATERINBURG

Ural Historical Journal № 2 (87), 2025
Ekaterinburg

12+

Published since 1994 г.
ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceskij vestnik)
EAN-13: 9771728971668
Registered with the Federal Service for Supervision of Compliance with Mass Media Law and Cultural Heritage Protection
(ПИ № ФС77-26548, 2006, 10 November)

Russian Press Catalogue index — 72574

Academic publication of papers by the Russian and foreign historians, archaeologists and ethnologists. The publication covers research on the topical issues of the Russian history in the civilizational and geopolitical dynamics, theories and methods of historical and anthropological studies

Founder

Federal state budgetary institution of science
Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Editor

Igor V. Poberezhnikov

Editorial board

Irek R. Atnagulov, Eugeniy T. Artemov (deputy editor), Igor L. Zherebtsov, Konstantin I. Zubkov, Vladimir A. Iljinykh, Gennady E. Kornilov, Ludmila N. Koryakova, Vadim S. Mosin, Eugeniy G. Neklyudov, Olga S. Porshneva, Dmitry A. Redin, Igor V. Silantev, Tatiana A. Snigireva, Elena K. Sozina, Andrei V. Speransky, Natalia V. Surzhikova, Dmitriy V. Timofeev, Natalia M. Chairkina, Alexander F. Shorin, Galina A. Yankovskaya

Secretary

Natalia A. Babenkova

Editorial council

Veniamin V. Alekseev (Russia), Leonid I. Borodkin (Russia), Andrei V. Golovnev (Russia), Zhang Guangxiang (China), Nikolai N. Kradin (Russia), Rudiger Krause (Germany), Vyacheslav I. Molodin (Russia), Hiroshi Okuda (Japan), Lorina P. Repina (Russia), Gyula Szvák (Hungary), Charles Stepanoff (France), Valery A. Tishkov (Russia)

Publisher and editorial office address

620108, Ekaterinburg, S. Kovalevskoy str., 16
Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

uralhist.uran.ru
UI_vestnik@mail.ru

© Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, 2025

Уральский исторический вестник № 2 (87), 2025
Екатеринбург

12+

Выходит с 1994 г.
ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceskij vestnik)
EAN-13: 9771728971668
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-26548 от 10 ноября 2006 г.)

Индекс по интернет-каталогу «Пресса России» — 72574

Научное издание трудов российских и зарубежных историков, археологов и этнологов. Представляет актуальные проблемы истории России в цивилизационной и геополитической динамике, теории и методы исторического познания

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Главный редактор

чл.-корр. РАН, д.и.н. И. В. Побережников

Редакционная коллегия

д.и.н. И. Р. Атнагулов, д.и.н. Е. Т. Артёмов (зам. гл. ред.), д.и.н. И. Л. Жеребцов, к.и.н. К. И. Зубков, д.и.н. В. А. Ильиных, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Л. Н. Корякова, д.и.н. В. С. Мосин, д.и.н. Е. Г. Неклюдов, д.и.н. О. С. Поршнева, д.и.н. Д. А. Редин, д.филол.н. И. В. Силантьев, д.филол.н. Т. А. Снигирева, д.филол.н. Е. К. Созина, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. Н. В. Суржикова, д.и.н. Д. В. Тимофеев, д.и.н. Н. М. Чаиркина, д.и.н. А. Ф. Шорин, д.и.н. Г. А. Янковская

Ответственный секретарь

Н. А. Бабенкова

Редакционный совет

акад. РАН В. В. Алексеев, чл.-корр. РАН Л. И. Бородкин, чл.-корр. РАН А. В. Головнёв, проф. Чжан Гуансян (Китай), чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, проф. Р. Краузе (Германия), акад. РАН В. И. Молодин, проф. Х. Окуда (Япония), чл.-корр. РАН Л. П. Репина, проф. Д. Свак (Венгрия), проф. Ш. Степанофф (Франция), акад. РАН В. А. Тишков

Адрес издателя и редакции

620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

uralhist.uran.ru
UI_vestnik@mail.ru

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2025

CONTENTS

PUBLIC OPINION AND THE PUBLIC SPHERE IN RUSSIA

M. A. Kiselev. From Court Literature to the Public Sphere: Criticism of European Colonialism in America by Russian Authors of the Second Half of the 18th Century 6

D. V. Timofeev. Russia's Public Sphere in the First Quarter of the 19th Century: from Private Petitions to the Establishment of the "House of Practical Jurisprudence" 16

V. S. Parsamov. Joseph de Maistre on the Enlightenment in Russia (towards the Formation of the Public Sphere in the Early 19th Century) 27

T. Yu. Borisova. The Public, Glasnost' and the Limits of the "Permissible" on the Eve of the Opening of the Russian Reformed Courts in 1866 35

L. V. Vyskochkov, P. K. Romanov. M. A. Korf's "The Life of Count Speransky" in the Context of Public Sentiment in Russia of the 1860s 45

A. S. Tumanova. Voluntary Associations in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries: on the Wave of the Government Reforms or against the Tide 54

O. A. Sukhova. The Public Sphere of the Russian Province in the Second Half of the 19th — Early 20th Century (Based on Materials from the Penza Region) 63

E. A. Krestiannikov. Participation of a Woman Lawyer E. A. Fleischitz in the Court Session on November 6, 1909 and the Public Sphere 72

ECONOMIC INTERACTION OF THE USSR WITH FRIENDLY COUNTRIES

M. A. Lipkin. Soviet-Cuban Trade and Economic Relations (1960–1972) 81

T. A. Dzhalilov. The "Druzhba" Trunk Oil Pipeline as a Factor of Soviet Policy (1958–1974) 95

A. A. Popov. Technological Co-Operation of the Comecon Countries: Joint Projects on the Soviet Territory 104

N. A. Kamandzhaev. Mongolia's Construction Industry in the Context of the Expert Assessment of the Council for Mutual Economic Assistance (1964) 113

N. Yu. Pivovarov. The Role of the CPSU Central Committee Advisers in the Realization of Economic Assistance to Afghanistan (1978–1988) 122

POWER AND SOCIETY IN IMPERIAL RUSSIA

G. V. Ibneyeva. Catherine II and City Government in the Ostsee Region in the Early 1760s 132

A. Yu. Yurski. Contemporaries about "Konstantinovcy": Options of Interpretation 140

HISTORICAL AND ECONOMIC MOSAIC

D. V. Vasilyev. The Murghab Sovereign's Estate in the System of the Department of Appanages 149

V. M. Arsentyev, A. E. Makushev. Decentralized Forms of Labor Organization in the Industry of the Middle Volga Region in the Early 20th Century 158

A. Yu. Klimanov. The Council for Scientific and Technical Expertise of the USSR State Planning Committee and Intensification of the Soviet Military Economy in 1943–1945 168

ANNIVERSARY

N. A. Kupershtokh, I. A. Krayneva. Academician Guriy Ivanovich Marchuk: Algorithms of Possibilities and Problems 178

REVIEWS

E. V. Khakhalkina. Scientific Dialogue between Russia and France in the Era of *Interbellum* 188

K. D. Bugrov. China on the Way of Proserving Industrial Heritage 192

V. P. Mikityuk, G. N. Shumkin. Scotish Beginning of Russia's Industrialization 195

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА В РОССИИ

М. А. Киселев. От придворной литературы к публичной сфере: критика европейского колониализма в Америке российскими авторами второй половины XVIII в. 6

Д. В. Тимофеев. Публичная сфера в России первой четверти XIX в.: от частных прошений к созданию «Дома практического правоведения» 16

В. С. Парсамов. Жозеф де Местр о просвещении в России (к формированию публичной сферы в начале XIX в.) 27

Т. Ю. Борисова. Публика, гласность и границы «дозволенного» накануне открытия российских реформированных судов в 1866 г. 35

Л. В. Выскочков, П. К. Романов. Книга М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» в контексте общественных настроений России 1860-х гг. 45

А. С. Туманова. Добровольные ассоциации в России на рубеже XIX–XX вв.: на волне правительственных реформ или против течения 54

О. А. Сухова. Публичная сфера российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Пензенской губернии) 63

Е. А. Крестьянников. Участие женщины-адвоката Е. А. Флейшиц в судебном заседании 6 ноября 1909 г. и публичная сфера 72

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СССР С ДРУЖЕСТВЕННЫМИ СТРАНАМИ

М. А. Липкин. Советско-кубинские торгово-экономические отношения (1960–1972 гг.) 81

Т. А. Джалилов. Магистральный нефтепровод «Дружба» как фактор советской политики (1958–1974 гг.) 95

А. А. Попов. Технологическое сотрудничество стран СЭВ: совместные проекты на советской территории 104

Н. А. Каманджаев. Строительная отрасль Монголии в контексте экспертной оценки Совета Экономической Взаимопомощи (1964 г.) 113

Н. Ю. Пивоваров. Роль советников ЦК КПСС в реализации экономической помощи Афганистану (1978–1988 гг.) 122

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Г. В. Ибнеева. Екатерина II и городское самоуправление в Остзейском крае в начале 1760-х гг. 132

А. Ю. Юрский. Современники о «константиновцах»: варианты осмысления 140

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Д. В. Васильев. Мургабское государево имение в системе хозяйств Департамента уделов 149

В. М. Арсентьев, А. Е. Макушев. Децентрализованные формы организации труда в промышленности Среднего Поволжья в начале XX в. 158

А. Ю. Климанов. Деятельность совета научно-технической экспертизы Госплана СССР по интенсификации военной экономики СССР в 1943–1945 гг. 168

ЮБИЛЕЙ

Н. А. Куперштох, И. А. Крайнева. Академик Гурий Иванович Марчук: алгоритмы возможностей и проблем 178

РЕЦЕНЗИИ

Е. В. Хахалкина. Научный диалог России и Франции в эпоху *Interbellum* 188

К. Д. Бугров. Китай на пути сохранения индустриального наследия 192

В. П. Микитюк, Г. Н. Шумкин. Шотландское начало русской индустриализации 195

А. Ю. Юрский

СОВРЕМЕННИКИ О «КОНСТАНТИНОВЦАХ»: ВАРИАНТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ*

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-140-148 УДК 94(47)“18” ББК 63.3(2)52

Статья посвящена исследованию мнений современников о партии «константиновцев» во главе с великим князем Константином Николаевичем — влиятельной группировке в правительстве Александра II в первое десятилетие его царствования. В рамках одного из подходов дискурс-анализа в виде «интерпретативных репертуаров», предложенного Дж. Поттером и М. Уэтерелл, предлагаются три варианта осмысления группы «константиновцев» и их роли в реализации Великих реформ. Для *придворного* характерно помещение «константиновцев» в ряд других салонов и сфер влияния; *партийный* вариант нацелен на их расположение в череде других партий или группировок в правительстве; а *реформаторская* интерпретация в большей степени затушевывает влияние отдельных партий, акцентируя внимание на борьбе двух больших идеологических сфер — либералов и консерваторов. Проведенное исследование демонстрирует немонолитность восприятия «константиновцев» современниками и существование паттернов их осмысления. Такой подход позволяет ревизовать сложившийся историографический канон об этом сообществе. В статье показано, что придворный вариант вообще не учитывался в качестве аналитической модели, что дореволюционная и советская историография следовала за реформаторским описанием этого явления, породив концепт «либеральной бюрократии». Обращение к мнениям современников ставит под сомнение преимущество партийной аналитики, позволяет зафиксировать всю сложность самого феномена «константиновцев» и лучше понять политическую культуру России середины XIX в.

Ключевые слова: *Великие реформы, константиновцы, великий князь Константин Николаевич, взгляды современников, дискурс-анализ, интерпретативные репертуары*

Великие реформы 1860–1870-х гг. сравнительно недавно, потеряв свои кавычки, стали восприниматься как эпохальное событие в истории Российской империи.[1] Произошло также смещение исследовательского интереса к «двигателям реформ». Показательным является и переименование монографии Л. Г. Захаровой.[2] Но при этом все очевиднее становится «несоответствие масштабов преобразований и преобразователя».[3] Преодоление этого «несоответствия» началось с изданий Г. А. Джаншиева.[4] Благодаря П. А. Зайончковскому и его ученикам в исторической литературе закрепился термин «либеральная бюрократия», а его американские стажеры[5] использовали понятие «просвещенная бюрократия».[6] Оба эти термина продолжают свою жизнь и в современной историографии,[7] не оспаривая принадлежность великого князя Константина Николаевича и его окружения к «двигателям реформ».[8] Как правило, имя великого князя связывают с группой людей, за которыми закрепилось понятие «константиновцев» как бюрократической группировки в правительстве Александра II.[9]

[1] См.: Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. М., 2016. Т. 3. С. 15.

[2] См.: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984; Она же. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

[3] Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 285.

[4] Начиная с 5-го издания, в книге появился раздел «Деятели преобразовательной эпохи». См.: Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. М., 1894.

Юрский Александр Юрьевич — стажер-исследователь Центра истории России Нового времени, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: *alj.yurski@gmail.com*

* *Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

[5] См.: Большакова О. В. П. А. Зайончковский и его американские ученики // Отечественная история. 2004. № 4. С. 92–107.

[6] См.: Lincoln W. B. In the vanguard of reform: Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982; Орловский Д. Пределы реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах. СПб., 2022.

[7] См.: Долгих А. Н. О «либеральной» и «просвещенной» бюрократии в России первой половины XIX века // История: факты и символы. 2017. № 2 (11). С. 95–102.

[8] См., напр.: Воронин В. Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; Stadelmann M. Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden, 2012; Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

[9] См.: Шевырев А. П. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора. СПб., 2012. С. 51, 52; Стаферова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007. С. 52.

Обращение к таким группировкам или «партиям» через восприятие их современниками подводит к пониманию общественных представлений о том, чьими руками проводятся реформы в России, кто и почему затем становится «громоотводом» монарха.[10] При этом в текстах современников не обнаруживается монолитность мнений и жесткость при определении их состава. Данная статья посвящена разбору интерпретаций современниками феномена «константиновцев», что позволяет не только выявить общественные представления об этих людях, зафиксировать разности и единения их позиций, но и ревизовать сложившиеся историографические каноны.

Пытаясь охарактеризовать феномен «константиновцев», современники помещали их в определенные смысловые конструкты, позиционируя тем самым собственное видение политического пространства и самих себя в нем.[11] Дискурс-анализ помогает увидеть в эго-документах авторские смыслы, способы их отстаивания или навязывания, которые влекли за собой определенные последствия,[12] в том числе в виде историографических традиций. Выявленное разнообразие мнений позволяет обратиться к более гибкой дискурс-аналитике, предложенной Дж. Поттером и М. Уэтерелл в виде «интерпретативных репертуаров».[13] Таким образом, в контексте осмысления «константиновцев» разными современниками можно выделить три таких репертуара: *придворный* — помещающий «константиновцев» в ряд «придворных сфер»; *партийный* — видящий группировки бюрократии в правительстве;[14] и *реформаторский*, присущий самим реформаторам, для которых важен верноподданнический подход (Александр II — «главный либерал» и «путеводная звезда» реформаторов) в контексте более широкого противостояния либералов и консерваторов.

***

Часть современников, характеризуя «константиновцев», встраивают их в ряд других влиятельных дворов — тверской двор Екатерины Павловны времен Александра I или же салон Елены Павловны в Михайловском дворце. Этот посыл прослеживается в мемуарах В. П. Мещерского и С. Д. Шереметева. Мещерский, вспоминая 1850–1860-е годы, упоминает про существование нескольких «придворных сфер», «придворных центров оживления»: Зимний дворец, двор в. к. Елены Павловны, Мраморный дворец, а также имевший тогда значение двор в. к. Марии Николаевны. «Все эти придворные очаги умственной жизни, — отмечал Мещерский, — тогда играли свою роль: во-первых, они произносили имена новых людей и переносили эти имена из своих кружков в сферы Зимнего дворца; во-вторых, они более или менее разрабатывали материалы для будущих государственных вопросов и, так сказать, двигали время».[15] Далее рассуждения князя переходят к частным домам «с политическими гостиными», то есть к компактным сообществам, к их разговорам об осуществляемой политике. Встречается и градация этих дворов и дворцов: Зимний дворец и дворы Марии Николаевны и Елены Павловны представлены в рамках светской придворной культуры — вечеров и бесед (в том числе политических), а Мраморный дворец князь называет «политически[м] очаг[ом] новых людей и новых веяний» во главе с в. к. Константином, мечтавшим «создать целую плеяду молодых государственных людей», более нацеленных на действия, нежели на рассуждения.[16] Из Мраморного дворца, пишет Мещерский, «вылетали известные имена, особенно рекомендовавшиеся как личности, как молодые и способные силы»,[17] среди которых были: Д. А. Оболенский, Б. П. Мансуров, Д. А. Толстой, М. Х. Рейтерн и, конечно, А. В. Головнин — «главный вдохновитель крайних либеральных тенденций». Как «специалист третьего рода» возникает С. И. Зарудный, привлеченный Мраморным дворцом к разработке судебной реформы.[18]

Запечатлевший в своих воспоминаниях петербургское общество 1860-х гг. С. Д. Шереметев также предпочитает говорить про Мраморный

[10] См.: Сорока М. Александр II и его «громоотводы»: борьба за монарха в период реформ // Александр II и его время. СПб., 2019. С. 390–412.

[11] См.: Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action. Oxford, 1999. P. 22.

[12] См.: Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 53, 54.

[13] Там же. С. 182. Поттер и Уэттерел поясняют, что «интерпретативные репертуары» можно рассматривать как «строительные блоки, которые высказывающиеся используют для конструирования версий деятельности, когнитивных процессов и других феноменов» (См.: Wetherell M., Potter J. Discourse analysis and the identification of interpretative repertoires // Analysing everyday explanation: A casebook of methods. London, 1988. P. 172).

[14] Гибкость этого подхода позволяет заметить и некоторую «гибридность» дискурсов, как это видно на примере дневника П. А. Валуева, который хотя и пишет о «константиновцах» в терминах «Мраморного дворца» (присущего придворному варианту), но все равно находится в рамках именно партийной интерпретации.

[15] Мещерский В. П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 64–66.

[16] Там же. С. 66.

[17] Там же. С. 190.

[18] Там же. С. 66, 191.

дворец в тех же придворных категориях. Стоит оговориться, что Шереметев моложе Мещерского, он родился в 1844 г., поэтому в период Великих реформ был еще совсем молод. Сам он отмечает, что в разговоре о 1860-х гг. «трудно обойти значение и влияние, исходившее из Мраморного дворца», но не берется описывать его (хотя как раз и делает это), «уже потому, что недостаточно знаком с его бытом».[19] Примечательно, что лидером всего движения он видел военного министра Д. А. Милютина. Все остальные же — Мраморный дворец, Н. А. Милютин и в. к. Елена Павловна — были пешками в его игре.[20] К группе Мраморного дворца, по Шереметеву, принадлежали А. А. Киреев (как адъютант Константина Николаевича), А. В. Головнин, М. Х. Рейтерн и П. А. Валуев. Последний, как он пишет, был возвышен М. Н. Муравьевым, но, «заняв позицию, тотчас же отвернулся от него и примкнул к господствующему направлению в. к. Константина и его присных».[21] Этих «присных» он также называет и «константиновцами», проникнутыми «тем же духом», имея в виду отрицательное отношение к дворянству.[22] Сам Константин Николаевич, «либерал и деспот», представлен Шереметевым «красным», что было свойственно многим дворянским родам того времени, недовольным преобразованиями. Но несмотря на всю критику, направленную на «либералов» того времени, склонявших слабовольного императора против дворянства, князь не отрицает их силы и влияния. А. В. Головнина он считал «недюжинной личностью», подчеркивая влияние, которым тот обладал в 1860-х гг.[23] В такой интерпретации «константиновцы» оказываются вписаны в традицию придворных кругов, а их политический вес согласуется с мнением о них монарха. Помещая «константиновцев» в придворный контекст, оба автора тем самым и самоопределяются как придворные, что позволяет говорить о двойном позиционировании описываемого и описывающего.[24]

Совсем иной способ описания «константиновцев» встречается в публицистических текстах П. В. Долгорукова — добровольного эмигранта и «князя-республиканца». Долгоруков смолоду заработал себе репутацию повесы, государственной службе предпочитал публицистику и был человеком довольно скандальным. В эмиграции он стал выпускать свои собственные журналы, сотрудничал с А. И. Герценом. Не скованный цензурой и не обделенный писательским талантом, Долгоруков создал в своих статьях портрет эпохи, какой она виделась ему из Лондона, Парижа и Женевы. Несколько заметок он посвятил окружению великого князя Константина, где искренне ругал этих «псевдолиберальных бюрократов», не желавших отказываться от самодержавия. Для него «константиновцы» представляли собой новый тип бюрократов, «прогресс после эпохи николаевщины и ее представителей»,[25] на который тот поначалу возлагал большие надежды. Убежденный конституционалист, Долгоруков видел спасение России в одном только даровании конституции, которое необходимо не одному только обществу, но и самому государю, чтобы «упрочить свою династию на престоле».[26] Властолюбие и высокое самомнение «константиновцев» не позволили им, как полагал князь-эмигрант, довести дело до конца, несмотря на все их либеральные учреждения.[27] Он, как пасьянс, раскладывал высшую российскую бюрократию по принадлежности к тем или иным политическим группировкам (партиям). Так, на страницах журнала «Листок» в 1863 г. он писал о столкновениях между «константиновцами» и «стародурами». К первым были отнесены в. к. Константин Николаевич, А. В. Головнин (глава и руководитель партии), Д. А. Милютин, П. А. Валуев, М. Х. Рейтерн, Н. К. Краббе, В. А. Татаринов и П. П. Мельников. К партии «стародуров» — В. Ф. Адлерберг, М. А. Корф, В. А. Долгоруков, И. М. Толстой, Д. Н. Замятнин, А. А. Зеленой. Были еще три фигуры в Совете министров из тех, кто не принадлежал к этим партиям, но действовал заодно с «константиновцами»: А. М. Горчаков, Д. Н. Блудов и П. П. Гагарин. Интересная трансформация в партийной расстановке в Совете министров, по Долгорукову, случилась через несколько лет. Там образовались три четко выраженные партии — ретроградов, партия «попутного ветра» и сами «константиновцы». К первым князь причислял восьмерых: П. А. Шувалова, принца Ольденбургского, В. Ф. Адлерберга, графа В. Н. Панина,

[19] Шереметев С. Д. Мемуары графа. М., 2004. Т. 1. С. 136.
[20] См.: Там же. С. 145.
[21] Там же. С. 139, 140.
[22] См.: Там же. С. 336.
[23] Там же. С. 138, 139.
[24] См.: Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action. Oxford, 1999. P. 22.
[25] Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 415, 416.
[26] Там же. С. 125. Свои представления о том, как должна быть устроена Россия, он изложил в одном из своих собственных сочинений, см.: Долгоруков П. В. О перемене образа правления в России. М., 2018.
[27] См.: Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 283.

И. М. Толстого, А. А. Зеленого, барона М. А. Корфа и К. В. Чевкина. «Константиновцев» же, в представлении Долгорукова, «между министрами» было шестеро: Д. А. Милютин, П. П. Гагарин, М. Х. Рейтерн, В. А. Татаринов, Д. Н. Набоков, Н. К. Краббе и отставленный от министерского кресла А. В. Головнин. И четверо исполняющих «должность политических флюгеров»: П. А. Валуев, Д. Н. Замятнин, Д. А. Толстой и П. П. Мельников.[28]

Такого же партийного подхода в описании «константиновцев» придерживался и К. С. Веселовский, непременный секретарь Академии наук с 1857 по 1890 гг. Его воспоминания, в которых одна из обстоятельных заметок посвящена А. В. Головнину, были опубликованы недавно.[29] Веселовский был на год старше Головнина, закончил Царскосельский лицей в 1838 г., выпустившись учеником с первой золотой медалью — с тем же отличием следующим выпуском сошел с лицейской скамьи и Головнин. Судя по всему, в лицее они были дружны, но последующие карьерные траектории в некотором смысле поставили их по разные стороны. Тем не менее Веселовский был близок к людям, о которых он пишет; в 1850-х гг. он плотно сотрудничал с Морским ведомством, был членом Русского географического общества, его имя связано с работой Политико-экономического комитета РГО.[30] Излагая биографию и деятельность А. В. Головнина, Веселовский не мог обойти и «константиновцев». Головнин в его понимании занимал центральную роль в рядах этой партии, которую он именует не столько «константиновцами», сколько «головнинской партией», отводя, таким образом, великому князю Константину Николаевичу куда меньшую роль.[31] Как и П. В. Долгоруков, Веселовский считает Головнина и остальных «константиновцев» честолюбцами. Еще в лицее, утверждает Веселовский, между друзьями с одного курса: П. И. Саломоном, А. П. Николаи, М. Х. Рейтерном и самим А. В. Головниным — с подачи последнего был заключен уговор: якобы «если который из них успеет прежде других возвыситься в службу, то подаст руку остальным и поможет им подняться наверх».[32] Впрочем, Царскосельский лицей и без того являл собой кузницу кадров для управления империей, и совсем неудивительно, что его выпускники занимали высокие должности.

Головнин, по мнению Веселовского, был настоящим стратегом, не только задумавшим «грандиозный план», основанный на реформах Сперанского, но и взявшимся его воплощать путем назначения «первых министров из головнинского кружка». План этот осуществлялся через Морское министерство, куда приглашались «подходящие лица», которые затем «форсированным маршем» продвигались на более высокие должности, для чего порой использовались и интриги, чтобы сместить неугодных. Так, считает Веселовский, поступили с Ф. П. Врангелем и Д. А. Толстым, заменив последнего «более покладистым» С. А. Грейгом, а А. М. Княжевича — М. Х. Рейтерном.[33] Если перечесть всех людей, кого Веселовский причислял к «константиновцам», которых называет настоящей партией, то получится следующий список: А. В. Головнин, М. Х. Рейтерн, П. И. Саломон, А. П. Николаи, С. А. Грейг, К. К. Грот, Н. К. Краббе, В. А. Цэе, а также неудавшиеся в итоге «кандидаты в министры» от партии Д. А. Оболенский и П. Н. Глебов. И самого Веселовского, если верить его собственной догадке, видели «кандидатом в партию». В 1862 г. его пригласили «на чашку чая» в дом Брока, где жил Головнин. Там, как ему казалось, он «был показан друзьям [Головнина] для решения вопроса — достоин ли [он] сопричисления к их лику». Решение было не в пользу Веселовского, который все же «остался от партии в стороне».[34] Такая партийная оптика Веселовского вполне объяснима его работой в том же РГО. Современники подмечали противоборство в Обществе двух партий — так называемых немецкой и русской. Под немцами, конечно же, подразумевалось большинство основателей и «корифеев науки» во главе с Ф. П. Литке. П. П. Семенов, вступивший в РГО в 1848 г. в качестве библиотекаря, также отмечал, что «быстро развивавшееся юное Русское географическое общество, уже сильное притоком собственных свежих сил, смотрело [на учредителей] как на сонм

[28] Там же. С. 284, 285. (Заметка была опубликована в «Колоколе» в 1867 г.)

[29] Отдельные небольшие части его воспоминаний публиковались и ранее в Русском архиве и Русской старине.

[30] См.: Черницова О. В. Константин Степанович Веселовский. К 200-летию со дня рождения // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 1. С. 118–127; Чернуха В. Г. Политико-экономический комитет Русского географического общества (28 февраля 1859 г. — 26 ноября 1862 г.) // Исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX века. СПб., 2020. С. 303–319.

[31] Веселовский К. С. Отголоски старой памяти: воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук. СПб., 2017. С. 105.

[32] Там же. С. 87.

[33] Там же. С. 96, 100, 101.

[34] Там же. С. 105, 106.

немецких учителей, державших его в слишком тесных и несколько чуждых его духу иноземных пеленках».[35] То же (хотя и с противоположным посылом) отмечал Е. А. Петерц: «...одна серьезная, работающая, во главе которой стоял Литке, и потому прослывшая под названием “немецкой”; другая, ограничивавшаяся почти только критикою того, что делала первая, именовалась “русскою” и имела во главе М. Н. Муравьева».[36]

Фигура министра внутренних дел П. А. Валуева (1861–1868) до сих пор воспринимается неоднозначно. Его нельзя назвать ни активным сторонником либеральных преобразований, ни тем более поддерживающим консервативную дворянскую реакцию. Сменивший С. С. Ланского, Валуев должен был успокоить дворянство:[37] политическая умеренность нового министра внутренних дел на тот период была на руку Александру II. Сам Валуев после обеда с в. к. Константином Николаевичем и А. В. Головниным отмечал в дневнике свое затруднительное положение: «Не принадлежа ни к какой партии, меня почти все партии считают полусвоим. Трудно избегнуть при этом ненавистной мне двуличности».[38] Позже он описывал свое положение как борьбу «с двумя лагерями, *мраморно-дворцовским* с одной стороны, и старополицейским, с другой».[39] Валуева периодически включают в список «константиновцев», что, на мой взгляд, не совсем верно. Безусловно, некоторые симпатии к деятельности великого князя Константина Николаевича и его сторонников Валуев испытывал. Еще до своего министерского периода он критически относился к работе всех правительственных учреждений, исключая лишь Морское министерство, которое «руководствуется другими правилами и не обнаруживает, подобно другим ведомствам, беспредельного равнодушия ко всему, что думает, чувствует или знает Россия».[40] Министр, будучи вовлеченным в бюрократические склоки, пытался для себя описать расстановку сил в правительстве. Так, в 1862 г. он отмечал, что «теперь три министра, Головнин, Рейтерн и Краббе, зависят от Мраморного дворца».[41] Взаимоотношения Головнина и Валуева в их министерский период складывались сложно и, судя по всему, по-разному в разные периоды. Это можно проследить на примере попыток обоих министров наладить диалог с издателем «Московских ведомостей» М. Н. Катковым.[42] Ситуация вдвойне осложнилась в 1863 г. из-за отказа от управления цензурой со стороны головнинского министерства народного просвещения. Несколько позже, в декабре 1864 г., известный цензор А. В. Никитенко запишет в своем дневнике, что «[в]еликий князь [Константин Николаевич], Головнин и Валуев — в тесном союзе. Последний спешит всячески поправить последствия своей прежней ссоры с великим князем и, кажется, вполне в этом успел».[43] Валуев не описывал деятельность «константиновцев» в рамках принадлежности к «придворным сферам». Думается, он рассматривал сторонников великого князя как бюрократическую группировку, партию или лагерь, так как в его дневниках эти термины используются довольно часто.

Партийный способ осмысления обнаруживается и в «Записках» князя Д. А. Оболенского, бюрократа «среднего звена», как называла его В. Г. Чернуха.[44] Для таких людей, как князь Оболенский, новое царствование было временем долгожданных возможностей и перемен, временем, когда «люди начинают свободно дышать».[45] Оболенский, выпускник Училища правоведения,[46] был одним из тех «просвещенных» бюрократов, которые видели нужду в большой предварительной работе, связанной со сбором всех необходимых сведений об условиях, которые они желали изменить.[47] Так, Оболенского испугали слова Константина Николаевича, прочитавшего записку Самарина, что великий князь хочет «попробовать что-

[35] Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. М., 2018. Т. 1. С. 201.

[36] Перетц Е. А. Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 50.

[37] См.: Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 28; Орловский Д. Пределы реформ... СПб., 2022. С. 128.

[38] Валуев П. А. Указ. соч. С. 137.

[39] Там же. С. 146.

[40] Дума Русского во второй половине 1855 года // Русская старина. 1893. Т. 79, вып. 9. С. 513.

[41] Валуев П. А. Указ. соч. С. 194. А. В. Головнин в тот период занимал пост министра народного просвещения, М. Х. Рейтерн — министра финансов, а Н. К. Краббе — морского министра.

[42] См.: Перевалова Е. В. «Московские ведомости» М. Н. Каткова в 1963–1864 гг. — политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 163–179.

[43] Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 486 (запись от 22 декабря 1864 г.).

[44] См.: Чернуха В. Г. Князь Дмитрий Александрович Оболенский: жизнь, служба, записки // Оболенский Д. А. Записки князя. СПб., 2005. С. 16.

[45] Оболенский Д. А. Указ. соч. С. 150.

[46] Училище правоведения было одним из самых престижных учебных заведений своего времени, см.: Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

[47] См.: Lincoln W. B. Russia’s ‘Enlightened’ Bureaucrats and the Problem of State Reform. 1848–1856 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1971. № 4. P. 412.

нибудь сделать, не приготовив к тому ни деятелей и не обсудив порядочно мер». Опрометчивой и вредной он считал и спешку великой княгини с подачей этой записки государю и был убежден, что в таком случае это «кончится ничем или вздором».[48] Фигура великого князя предстает в «Записках» Оболенского противоречивой. С одной стороны, он пишет, что «нет человека, менее способного на какую-нибудь самостоятельную и упорную борьбу, чем великий князь», и что его отъезд в Стрельну, чтобы «заниматься цветами» — это куда более «сообразно с его природным расположением», нежели та активная деятельность, к которой его подталкивает Головнин.[49] С другой стороны, когда встала необходимость заниматься отменой крепостного права, Оболенский счел заслуженными похвалы государя к брату: «...он [Константин Николаевич] заслуживает этого — с необыкновенным рвением и усердием занимался он все это время вопросом и благодаря своим необычайным способностям изучил его во всех подробностях».[50] Оболенский был как вхож в придворные круги (был завсегдатаем салона Елены Павловны, часто лично встречался с императрицей), так и был близок к «константиновцам», работая в 1850-х гг. в Морском ведомстве. Он вспоминал, как все они тогда «движимы были равными чувствами и стремлениями к общему благу».[51] В 1858 г., ощущая милость со стороны императора с супругой, князь отметил: «Это придавало мне некоторое значение в отношениях с людьми, но, кроме того, зная, к какой партии я принадлежу, многие видели в моем успехе доброжелательство и к моим приятелям».[52] И при назначении товарищем министра госимуществ отмечал свою принадлежность к партии, враждебной «Шувалову и Ко».[53] В то же время Оболенский не называет нигде в тексте сторонников великого князя «константиновцами».

В 1880-е гг., когда Константин Николаевич уже не был в авангарде каких-либо реформ, напоминание о «константиновцах» вызывало у него неприкрытое раздражение. «Не напоминайте мне этой клички... Она изобретена моими врагами, всячески старавшимися поселить между государем и мною чувства взаимного раздражения и недовольства».[54] Примечательно, что в своих воспоминаниях ни один из «константиновцев» или деятелей того же реформаторского курса не использует этого термина, предпочитая говорить больше о противостоянии либералов и консерваторов, в особенности при разговоре об отмене крепостного права.[55] Так действовал П. П. Семенов (Тян-Шанский), оставивший четырехтомные мемуары, два тома из которых он посвятил «эпохе освобождения крестьян». Его история — это история в лицах, принимавших участие в подготовке реформы. Константин Николаевич совместно с Еленой Павловной у Семенова значатся как «две звезды первой величины», согревавшие своим светом Н. А. Милютина.[56] Семенов не пишет о «константиновцах», но называет преданных великому князю лиц: А. В. Головнина, М. Х. Рейтерна, Д. А. Оболенского, Б. П. Мансурова и С. А. Грейга. Их же он называет «плеяд[ой] светлых деятелей блестящей эпохи освобождения крестьян» и подчеркивает, что государь еще во время работы Редакционных комиссий знал, что они группируются около его брата.[57] Константин Николаевич в повествовании Семенова, как и остальные реформаторы — лишь преданные сторонники Александра II в деле освобождения крестьян. Несмотря на все описываемые им усилия каких бы то ни было других деятелей реформы, император у Семенова всегда — путеводная звезда для всех остальных, кто стоял «под крепким щитом Царя-Освободителя».[58] Таким образом, акцент на фигуре императора, несомненно, важен для Семенова, хотя влияние Мраморного дворца и вклад преданных великому князю лиц он также отмечает, включая их в общий локус либеральных деятелей.

«Первый константиновец» А. В. Головнин, хотя и не считал себя вправе называться либералом,[59] тем не менее в своих мемуарах противопоставлял себя консерваторам и «по-

[48] Оболенский Д. А. Указ. соч. С. 148.
[49] Там же. С. 177.
[50] Там же. С. 185.
[51] Там же. С. 446.
[52] Там же. С. 182.
[53] Там же. С. 221.
[54] Перетц Е. А. Указ. соч. С. 26.
[55] О том, как реформаторы выстраивали эту борьбу в своих текстах, см.: Долбилов М. Д. Полезная недостоверность: о критике мемуарных сочинений творцов крестьянской эмансипации // «Цепь непрерывного предания...» М., 2004. С. 266–294.
[56] Семенов-Тян-Шанский П. П. Указ. соч. Т. 4. С. 186.
[57] Там же. С. 5, 6, 195.
[58] Там же. С. 195.
[59] См.: Стаферова Е. Л. Указ. соч. С. 80–82. Единственным «либералом», по Головнину, в России был только Государь-император, что отлично сочетается с интерпретацией Семенова о первейшей роли Александра II как Царя-реформатора, в то время как остальные деятели реформ были лишь верными ему помощниками и исполнителями.

лицейско-преследовательскому направлению» (впрочем, как и «крайним либералам»).[60] В его воспоминаниях на протяжении всего текста прослеживается идеологическое противостояние в среде высших сановников: тех, кто понимал важность реформ, и тех, кто всячески этому противился. Поэтому и весь рассказ о его деятельности (особенно на посту министра) выстроен как борьба за внесение новых принципов в административное управление. Как характерно заметил Б. Н. Чичерин, Головнин «все свои усилия устремлял на снискание популярности, но именно ее не нашел»[61] и был отставлен после каракозовского выстрела. Сам он отмечал при увольнении: «...решительно никто не говорил [Государю] в мою пользу, но в чем именно меня обвиняли, не сказал».[62] Такой вариант интерпретации деятельности великого князя Константина и его «константиновцев» ляжет затем в основу большинства исследований об отмене крепостного права и Великих реформах в целом. Наследие взгляда «либералов», участвовавших в разработке этих реформ, будет доминировать в отечественной историографической традиции.[63]

***

Нет необходимости проводить исследование, чтобы понять, что оценки современников будут различными, тем не менее обращение к ним важно сразу по нескольким причинам. Во-первых, это гарантирует доступ к голосам «изнутри» эпохи, социально-культурной среды, в которой находится изучаемый феномен.[64] Тексты современников не только показывают их личный взгляд, но и способствуют выявлению интерпретативных паттернов, свойственных этому времени. Последние оказываются на поверку не разноголосицей, а коллективным мнением определенной политической группы российского общества. Во-вторых, сравнение исследовательской оптики с позициями современников способствует не только обогащению знаний, но и пониманию того, как и кем создаются историографические традиции. Поэтому полезно устоявшуюся исследовательскую аналитику время от времени ревизовать свидетельствами людей прошлого.[65] Обращение к текстам современников становится мерилом жизнеспособности исследовательских конструктов, да и собственных оценочных суждений.

В результате данного исследования выяснилось, что *придворный* вариант не прижился в отечественной историографии, а вот *реформаторский* способ осмысления лег в основу дореволюционной аналитики описания политических процессов периода Великих реформ (в виде борьбы либералов с консерваторами-крепостниками). Начиная с 1960-х гг., он был перенят советской исторической наукой, способствуя появлению концепта «либеральной бюрократии». Такой взгляд на «константиновцев» в постсоветское время перестал быть однозначным, и отечественные историки вслед за своими зарубежными коллегами стали рассматривать политические процессы скорее как борьбу группировок в правительстве.

Сами «константиновцы» у современников оказываются встроенными в политический и социальный контекст эпохи разными способами — от типичного для политической культуры первой половины XIX в. придворного/салонного контекста (продолжающий существовать в головах ряда современников и много позже) до позиционирования группировок внутри бюрократии и более широкого идеологического противостояния либералов и консерваторов. Выявленный разброс состава тех, кого современники (а затем и исследователи) относят к «константиновцам», может стать ключом к пониманию как самого этого явления, так и причин множественности его описания. Такая подача материала, с учетом мнений очевидцев, позволяет нарисовать куда более сложную картину политического устройства Российской империи и приблизить его понимание.

[60] Головнин А. В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 314, 315, 417.
[61] Чичерин Б. Н. Воспоминания: Москва сороковых годов. М., 1929. С. 157.
[62] Головнин А. В. Указ. соч. С. 431.
[63] См.: Юрский А. Ю. «Константиновцы» в исследовательской литературе // Tractus Aevorum. 2022. Т. 9, № 1. С. 63–83.
[64] См.: Кочукова О. В. Биографические сообщения А. В. Головнина о великом князе Константине Николаевиче как источник реконструкции политического мировоззрения «либеральной бюрократии» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 49.
[65] См.: Каменский А. Б. К проблеме «вековой русской отсталости» // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 1. С. 185–206.

Alexander Yu. Yurski
National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow)
E-mail: *alj.yurski@gmail.com*

CONTEMPORARIES ABOUT "KONSTANTINOVCY": OPTIONS OF INTERPRETATION

The article is devoted to the analysis of the contemporaries' opinions about the party of "konstantinovcy", led by Grand Duke Konstantin Nikolayevich, an influential group in the government of Alexander II in the first decade of his reign. Using discourse analysis approach of "interpretative repertoires", proposed by J. Potter and M. Wetherell, it proposes three variants of contemporaries' interpretation of "konstantinovcy" and their role in the implementation of the Great Reforms. *The courtier interpretation* is characterised by the placement of "konstantinovcy" in a number of other salons and spheres of influence; *the party option* is aimed to localise them in a series of other parties or cliques in the government; and *the reformist interpretation* largely obscures the influence of individual parties, focusing on the struggle between two large ideological spheres of liberals and conservatives. The conducted research shows the non-monolithic nature of discourses about "konstantinovcy" and the existence of some patterns in their comprehension. This approach allows revising the historiographical canons for this party. It is shown that the courtier option was not used at all in historiography as an analytical model. Pre-revolutionary and Soviet historiography followed the reformist way of interpretation, giving rise to the concept of "liberal bureaucracy". Addressing the opinions of contemporaries calls into question the predominance of party analytics, enables to fixate the complexity of the very phenomenon of "konstantinovcy" and better understand the political culture of mid-19th century Russia.

Keywords: *Great reforms, konstantinovcy, Grand Duke Konstantin Nikolayevich, views of contemporaries, discourse analysis, interpretive repertoires*

REFERENCES

Aleksandr II. *Tragediya reformatora: Lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudey* [Alexander II. The Tragedy of a Reformer: People in the Fates of Reforms, Reforms in the Fates of People]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2012. (in Russ.).

Bolshakova O. V. [P. A. Zainchkovsky and His American Disciples]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2004, no. 4, pp. 92–107. (in Russ.).

Chernitsova O. V. [Konstantin Stepanovich Veselovskii. To the 200th Anniversary of His Birth]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series], 2019, no. 1, pp. 118–127. (in Russ.).

Chernukha V. G. [Political and Economic Committee of the Russian Geographical Society (February 28, 1859 — November 26, 1862)]. *Issledovaniya po istorii vnutrenney politiki Rossii vtoroy poloviny XIX veka. Sbornik statey Valentiny Grigor'yevny Chernukhi. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya* [Studies in History of Russian Domestic Policy in the Second Half of the 19th Century. Collection of Articles by Valentina Grigoryevna Chernukha. On the 90th Anniversary of Birth]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 303–319. (in Russ.).

Chernukha V. G. [Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky: Life, Service, Notes]. *Obolenskiy D. A. Zapiski knyazya* [Obolensky D. A. Notes of the Prince]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2005, pp. 15–36. (in Russ.).

Dolbilov M. D. [Useful Inaccuracy: On the Criticism of Memoirs of the Creators of Peasant Emancipation]. *"Tsep' nepreryvnogo predaniya...": Sbornik pamyati A. G. Tartakovskogo* ["The Chain of Continuous Legends...": Collection in Memory of A. G. Tartakovsky]. Moscow: RGGU Publ., 2004, pp. 266–294. (in Russ.).

Dolgikh A. N. [About "Liberal" and "Enlightened Bureaucracy" in Russia in the First Half of the Nineteenth Century]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols Magazine], 2017, no. 2 (11), pp. 95–102. (in Russ.).

Jorgensen M. V., Phillips L. J. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr Publ., 2008. (in Russ.).

Kamensky A. B. [On "Age-Old Russian Backwardness"]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica], 2018, vol. 6, no. 1, pp. 185–206. (in Russ.).

Kochukova O. V. [Biographical Reports by A. V. Golovnin about Grand Duke Konstantin Nikolayevich as a Source for Reconstruction of Political Views of Liberal Bureaucracy]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 3, pp. 48–53. (in Russ.).

Lincoln W. B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825–1861*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982. (in English).

Lincoln W. B. Russia's "Enlightened" Bureaucrats and the Problem of State Reform. 1848–1856. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, 1971, vol. 12, no. 4, pp. 410–421. (in English).

Orlovsky D. *Predely reform. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy imperii v 1802–1881 godakh* [The Limits of Reform. The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881]. Saint Petersburg: Bibliorossika Publ., 2022. (in Russ.).

Perevalova E. V. [Moskovskiye Vedomosti of M. N. Katkov in 1863–1864: A Political Semiofficial Organ or a Body of Independent Public Opinion?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2015, no. 4 (36), pp. 163–179. (in Russ.).

***P**ositioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action*. Oxford: Blackwell, 1999. (in English).

***R**eformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.: v 4 t. T. 3: Vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.* [Reforms in Russia from Ancient Times to the End of the 20th Century: in 4 Volumes. Volume 3: The Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. (in Russ.).

Shevyrev A. P. [At the Head of "Konstantinovtsy": Grand Duke Konstantin Nikolaevich and A. V. Golovnin]. *Aleksandr II. Tragediya reformatora: Lyudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh lyudey* [Alexander II. The Tragedy of a Reformer: People in the Fates of Reforms, Reforms in the Fates of People]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2012, pp. 51–69. (in Russ.).

Shevyrev A. P. *Russkiy flot posle Krymskoy voyny: liberal'naya byurokratiya i morskiye reform* [The Russian Navy after the Crimean War: Liberal Bureaucracy and Naval Reforms]. Moscow: Izdatel'stvo MGU Publ., 1990. (in Russ.).

Soroka M. [Alexander II and His "Lightning Rods": The Struggle for the Monarch during the Period of Reforms]. *Aleksandr II i yego vremya* [Alexander II and His Time]. Saint Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena Publ., 2019, pp. 390–412. (in Russ.).

Stadelmann M. *Großfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der Russischen Autokratie*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. (in German).

Staferova E. L. *A. V. Golovnin i liberal'nyye reformy v prosveshchenii (pervaya polovina 1860 gg.)* [A. V. Golovnin and Liberal Reforms in Education (First Half of the 1860s)]. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitatsiya Publ., 2007. (in Russ.).

Valuyev P. A. *Dnevnik ministra vnutrennikh del* [Valuev P. A. Diary of the Minister of Interior]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, vol. 1, pp. 17–54. (in Russ.).

Voronin V. E. *Velikiy knyaz' Konstantin Nikolayevich: stanovleniye gosudarstvennogo deyatelya* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich: The Formation of a Statesman]. Moscow: Russkiy mir Publ., 2002. (in Russ.).

Wetherell M., Potter J. Discourse Analysis and the Identification of Interpretative Repertoires. *Analysing Everyday Explanation: A Casebook of Methods*. London; Newbury Park; Beverly Hills; New Delhi: SAGE Publications, 1988. (in English).

Wortman R. *Vlastiteli i sudii: Razvitiye pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The Development of a Russian Legal Consciousness]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2004. (in Russ.).

Yursky A. Yu. ["Konstantinovcy" in Research Literature]. *Tractus Aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv* [Tractus Aevorum: The Evolution of Socio-Cultural and Political Spaces], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 63–83. (in Russ.).

Zakharova L. G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).

Zakharova L. G. *Samoderzhaviye i otmena krepostnogo prava v Rossii, 1856–1861* [Autocracy and Abolition of Serfdom in Russia, 1856–1861. Moscow: Izdatel'stvo MGU Publ., 1984. (in Russ.).

Для цитирования: Юрский А. Ю. Современники о «константиновцах»: варианты осмысления // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 140–148. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-140-148.

For citation: Yurski A. Yu. Contemporaries about "Konstantinovcy": Options of Interpretation // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 140–148. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-140-148.